
Полночь
в
Муравейнике
МОСКВА
МИР
18+
Иван Власов

Иван Власов
Полночь в муравейнике

https://litres.ru/75060828
SelfPub; 2026

Аннотация

В дистопическом мегаполисе Нижней Москвы капитан-паук ловит женщину-комара, и между ними возникает человечность. Но способны ли они осознать происходящее между ними? И может ли простой чайный гриб спасти человечество от инопланетной интервенции? Хоть и трудно быть богом, а создавать богов ещё сложнее. Об этом и расскажет биопанк-повесть в атмосфере депрессивного кибер-нуара и социальной сатиры.

Содержание

Пролог. Превращение 4
Глава 1. Капитан Арахнов 8
Глава 2. Железная пчела 15
Глава 3. Инстинкт 21
Глава 4. Писквиль 27
Глава 5. В тени 32
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Иван Власов
Полночь в муравейнике

Пролог. Превращение

В зале было прохладно и сыро, искусственный камин тщетно пытался согреть нуворишский замок своим фальшивым инфернальным светом. Дубовый стол с резными ножками, на нём — два недопитых бокала божоле нуво. На мягкой софе восседает уже не молодая, но симпатичная и горячая женщина — Екатерина, главный технолог фабрики по выращиванию говядины из горошка. Рядом немного зажато разместился её новый молодой знакомый, он явно чувствует себя не в своей тарелке.

— Екатерина Сергевна, Вы такая страстная! — гость вырвался из затянувшегося поцелуя. — Наконец-то нам удалось провести вместе вечер, в реале всё совсем иначе чем в сети.

Он отпил из бокала и предусмотрительно погрузил в рот кусочек сыра. К сожалению, для Екатерины он сулил одно лишь разочарование: нерешительный, робкий. И, казалось, его больше интересовала не сама Катя, а её жилище:

— Ваш особняк напоминает готический замок, — промямлил он, сыр бри по вкусу напоминал о запахе хлориро-

ванной воды. — Кто здесь жил раньше, вампиры?

Екатерина хитро улыбнулась левым уголком рта:

— Я же говорила тебе, Слав, можно на ты, — она опустила ладонь ему на колено. — А разве это так важно? Вроде какие-то банкиры.

— Для меня важно, я увлекаюсь историей. Былое интригует своими тайнами. Как жили люди до Вмешательства? Вы, кажется, застали те времена... Ой, простите... Прости, я не имел в виду возраст.

Екатерина картинно нахмурилась, сжав губы в узкую полоску, и бросила острый взгляд из-под длинных ресниц.

— Сделаю вид, что не заметила. Впрочем, я действительно успела повидать жизнь. Слав, поверь, тебе бы не понравились старые времена.

Она сделала глоток из заждавшегося на столе бокала и продолжила:

— Мы живём сейчас в самое прекрасное время, когда впервые по-настоящему ценятся знание, трудолюбие и умение. И поверь, мальчик, мои знания весьма глубоки, — произнося "глубоки" её губы вытянулись бантиком. Поразительная подвижность!

Екатерина на мгновение погрузилась в раздумье. Она не сразу приняла новую власть. По характеру бунтарка, вечный подросток, Катя всегда была острой занозой, неудобной, конфликтной. Что не помешало ей со временем добиться высокого положения. Кандидатская степень по биологии сего-

дня — веский аргумент и пропуск во многие двери.

— В школе я была отличницей, Слав, — она кокетливо улыбнулась. — Так что дворец полагается принцессе вполне заслуженно.

— И всё же, меня не покидает чувство какой-то жути от этого места, — Ярослав поднялся с дивана. — Уже поздно, может, нам лучше продолжить завтра у меня?

Хозяйка молчала и неподвижно смотрела на тарелку с недоеденным сыром. В эркерном окне на мгновение развеялись чёрные ночные тучи, и зал осветил серебряный свет луны. Екатерина одёрнулась словно ото сна, затряслась в лихорадочной судороге и соскользнула на пол, замерев в позе эмбриона:

— Нет, только не сейчас... — пролепетала она.

Молодой гость неожиданно для себя проникся какой-то испорченной, гадкой жалостью к своей несостоявшейся возлюбленной:

— Ну, Кать, перестань, всё же было хорошо, — Слава отвёл локон каштановых волос от её лица.

Екатерина медленно повернула голову, и на него уставились два красных, не имевших никакого выражения в строгих гуманистических терминах фасеточных глаза. На месте аккуратного ротика с узкими губами, только что щедро одаривавшими его пылким марафонским поцелуем, выступил отвратительный комариный хоботок. Прозрачные крылья затрепетали безумной трелью за её спиной, и женщина-комар

резким скачком набросилась на свою жертву.

Красная пелена вперемешку с ночной мглой затмила для неё весь божий свет. Напившись вдоволь и выпорхнув в окно, она летала среди неоновых огней и посещала самые влажные и тёмные углы Нижней Москвы, будто бы нарочно созданные для комаров, где танцевала в свете стробоскопов под русский народный фонк в весёлой и шумной компании своих подруг мух-потаскух. В переполохе пляски ей чудилось, что она срубает саблей голову огромного и уродливого паука, а отсечённая голова ей говорит: "Ну что же ты, Екатерина, как же так?"

Катя пинает сапожком паучью голову как мяч, зажмуривается и кричит: «А-а-а!»

Глава 1. Капитан Арахнов

В конторском помещении стоит полумрак, большая часть лампочек в потолочных нишах уже давно не работает. Капитан Александр Арахнов сидит за столом и сочиняет отчёт. Тьма его не тревожит, он к ней привык, и так даже уютней. Тем более за окном уже поднимается солнце, а ему ещё разгребать все события минувшей ночи.

Арахнов вздохнул: «С целью пресечения незаконного оборота испанских слизней...» — он зевнул и потянулся. Под рубашкой лениво зашуршали плечевые сервоприводы, последствие старого ранения. Сейчас уже можно вырастить новые суставы, сухожилия, мышцы, но Арахнов уважал всё старинное. Хотя Справедливое Вмешательство и дало импульс развития регенеративной медицине, но в обыкновенной нейроимплантации земляне преуспели самостоятельно. В сущности, Арахнов верил, что любое техническое решение сводится к вопросу этического выбора.

Он отогнал нахлынувшие от усталости посторонние мысли и продолжил: «Считаю, что оцепление на станции Компостная было недостаточным», — Александр потёр уродливые шрамы на лбу, их было ровно шесть, коллеги шутили, что это зашитые «лишние» паучьи глаза. Это предположение захватывает дух, но для ловли преступников ему хватает и двух глаз.

Арахнов отдал мысленную команду, из динамика на столе заиграл мелодичный блюз. Уже в который раз капитан милиции проматывает в голове прошедшую ночь: они заходят с Жекой, стажёром из его отделения, на органические склады. Боевая нейросеть указывает на девяносто третий контейнер с гумусом, удар ногой в дверь:

— Поднимите руки, если вы слышите эти звуки! И выходите по одному, твари, иначе буду стрелять!

Они не услышали, у слизней нет органов слуха, пригодных для распознания общерусского языка, хотя они прекрасно чувствуют вибрации бьющего в дверь сапога.

Жеку, конечно, представят к награде, но только вот слизень-испанец, понаползло же мразей, успел знатно полакомиться его ногой. Что я скажу его супруге: «Извините, не доглядел?»

Раньше слизни были, в целом, безопасны, но теперь они отжираются на ксено-гороховых плантациях до размеров крупной собаки. Да и глупо это, требовать от слизней поднять руки, надо на следующий раз придумать что-нибудь другое. Может быть, свернитесь в клубок, спрячьте зубы, помашите хвостиком. Или просто сдохните.

Ребята из оцепления набрасывали на испанских слизней сети и били их дубинками с рвением фалангистов, затем стаскивали в кучи, обливали биоэтанолом и поджигали. По всей промзоне горели костры, как в каком-то сне про мрачное средневековье. Небо заволокло чёрным едким дымом,

слизни шипели и пищали, прощаясь с жизнью, должно быть в муках, хотя государственная комиссия по этике и не признавала наличие у них сознания.

Вдруг загорелась лампочка и включилась селекторная связь, по сиреневому цвету огонька Арахнов понял, что звонит его шеф, начальник отделения народной милиции Нижней Москвы.

— Саш, зайди, есть разговор, — как всегда, он не многословен по телефону.

— Уже иду, Корней Иванович.

Иваныча уважали, он был «базовым», то есть человеком с безупречной репутацией, искренне исповедующим традиционные ценности. Это импонировало чиновникам государственной вертикали. Поговаривали, что у него есть серьёзные связи даже в Верхней Москве.

В кабинете у Иваныча интерактивная доска, на ней карта города, а там горят красные точки. Цепочка серийных убийств, жертв объединяет следующее: молодые мужчины, в последний раз живыми видели на Западе Нижней Москвы. Тела обнаружены при входном контроле на заводе по переработке органических отходов. Преступление, очевидно, пытались скрыть.

— Ещё, что важно, — Корней Иванович достал и размял пальцами папиросу, — медики пишут в протоколе, что причиной смерти послужила потеря крови, и у всех жертв одинаковый прокол на шее с повреждением сонной артерии.

— Стоп, а какая группа крови? — вставляет Арахнов.

— У всех первая отрицательная.

А вот это уже сильная улика, ошибиться почти невозможно. Гурманка. Капитан готов выдвинуть рабочую гипотезу:

— Похоже, в городе орудует женщина-комар.

— Ты знаешь, что делать, Сашка.

Капитан Арахнов вылетает из кабинета, накидывает на ходу верхнюю одежду и прячет табельный обрез дробовика под полу плаща, садится в китайский электромобиль «Омич три» и стремительно удаляется от здания отделения, которое в утреннем сумраке выглядит как синкретичное переплетение архитектурных элементов исторического музея, выполненного в стиле «а-ля рус», и офисного сооружения из стекла и бетона эры Поднятых рук, когда человечество окончательно отказалось от оптимистичной картины будущего.

Целый день капитан народников работает на земле, выезжает на точки, встречается с информаторами. По пути прокручивает в голове досье из нейро-картотеки. Женских особей с мутацией псевдо-москитного типа в городе зарегистрировано всего три. Первая по списку Елена, прекрасная наша, вышла из репродуктивного возраста и больше не представляет опасности. Справка о климакс-контроле прилагается.

Ирина, совсем ещё молодая женщина, но судьба уже не задалась, попалась на участии в потасовке с применением холодного оружия и с тех пор чипирована трекером. Сирота. Ах, вот в чём дело, некому было вразумить тебя. Запро-

сил данные о передвижении. Нейросеть помигала бликами на краю периферийного зрения и начала ткать перед глазами Александра карту города с маршрутом передвижения Ирины за последний месяц. Придраться не к чему, она не покидала пределы отведённой ей резервации в районе Печатники. Но для очистки совести Арахнов решает провести профилактическую беседу.

«Омич» делает несколько кругов в поисках парковочного места вокруг старинного панельного дома. Наконец, не выдержав, Александр бросает машину на аварийке посреди проезжей части. Поднявшись по ступенькам облупленного подъезда на второй этаж, звонит в дверь. Открывает худощавая жилистая блондинка в свободно висящей на плечах футболке с эмблемой спортивного клуба по ножевому бою. Дерзкий и прямой взгляд серых глаз этой девушки подобен проблеску реальности посреди ночного кошмара. Арахнов демонстрирует удостоверение:

— Ну что, Ириш, как жизнь?

— Проходит.

Выяснилось, что Ирина живёт складно: не пьёт кровь у окружающих и, в целом, добропорядочна и законопослушна. Временно безработная, завтра собирается на собеседование на должность техника.

Остаётся последний вариант, самый неприятный для Арахнова, напоминающий о старой и болезненной ошибке. Екатерина. Её Александр знал лично и весьма близко. Ко-

нечно, есть вероятность появления гастролирующих нелегалок, но Арахнов этим пренебрегает — слишком сложно с такой кричащей генетической девиацией пересечь окружающее мегаполис Великое кольцо и не привлечь внимание биосенсоров. Значит всё же, Екатерина.

Согласно методике, утверждённой в Главном управлении народной милиции, требовалось посетить место работы подозреваемого. Арахнов встречает светлая проходная недавно построенного завода аддитивных пищевых технологий.

— Поступающий биоматериал отгружают из контейнеров в бак печатающей установки, далее по конвейеру стейки идут на формовку, термообработку и нанесение окрашивающего покрытия. В конце каждого цикла упаковка и консервация в герметичных ёмкостях с азотом, транспортный цех доставляет товар на предприятия общепита города роботизированным транспортом, — молодой инженер старательно объясняет суть работы, периодически протирая рукавом халата пот, стекающий на лоб из-под каски.

Муравей. Таких много, — думает Александр, — пожалуй, единственная полезная мутация: дисциплина, ответственность. На этих вот работягах и держится наше общество.

— А где же Екатерина Сергеевна, ваш главный технолог?

— Уже вторую неделю на больничном, вроде какой-то новый томский астровирус.

Ну да, конечно, астровирус.

— Очень жаль. Ясно. И последний вопрос, товарищ ин-

женер.

— Слушаю, товарищ капитан.

— А что будет, если вместо зелёного горошка в бак загрузить что-нибудь другое... бобовое?

— В принципе, ничего. А зачем? Принтер сейчас настроен на горошек.

Весь оставшийся день Арахнов как будто отлынивает от работы. Под предлогом розыскных мероприятий посещает спортивные соревнования — особенно ему нравятся ножевые бои в октагоне, капитану милиции греет душу, что количество потенциально опасных преступников сокращается почти каждый раунд, обычно точным ударом в горло или под ребро.

Глава 2. Железная пчела

Тройка «Омич» летит по садовом кольцу, проезжает здание Министерства иностранных дел. Из сталинской высотки, как из неоклассического архитектурного торта, торчит бесконечная глянцевая свеча, упирающаяся в потолок вечернего неба — космический лифт.

Капитан Арахнов решает проверить ночные заведения города. Возможно удастся обнаружить следы активности Екатерины. Первым делом, заезжает в пафосное место под названием «Iron Bee». Клуб выполнен в эстетике улья, в полутьме танцпола и барной зоны преобладают медовые и восковые цвета, настенные панели стилизованы под соты. В воздухе витает сладкий аромат.

Арахнов подходит к столику, за которым гудит шайка студентов.

— Здарова, парни. Не видали здесь женщину-комара? — в ответ раздался юношеский смех.

— Отец, что за влажные фантазии, может тебе ещё королеву роя подогнать?

— Вот вы вроде умные с виду ребята, — Арахнов пожурил пальцем, — а элементарных вещей не знаете. Нет у них уже три тысячи лет никаких королев и королей. Двойка вам по ксено-истории.

— Три тысячи лет! Такого ни в одном учебнике нет.

Арахнов продолжает накидывать:

— Да, и на счёт фантазий, вряд ли они способны усвоить концепцию романтической любви. Мы и сами-то сравнительно недавно ей овладели благодаря старофранцузским куртуазным романам. Пчёлы не такие, они сволочи.

— А ты откуда, отец, всё это знаешь?

Завязалась беседа, капитан заказал себе пиво. Янтарный напиток вытекает из носика крана, заполняя кружку. Пена повисает снежной шапкой, затем начинает оседать, оставляя одну каплю стекать по запотевшему стеклу. Между делом, один из студентов сообщает, что прошлой ночью некая горячая милфа устроила дикий кутёж — может быть, её ищет Арахнов? Студент передаёт потоком пикчу с крайне непристойно отплясывающей Екатериной. Александр повёл бровью и многозначительно хмыкнул.

Неожиданно, лёгкий танцевальный бит сменяется тревожной симфонической оркестровкой. На сцену под одобрительный гул зала выходят танцоры и танцовщицы в откровенных нарядах. Начинается световое шоу. В воздухе кружатся светодиодные шары на верёвках, летают огненные шесты. Жаль, что в помещении нельзя устроить полноценное фаер-шоу, но неоновые огни тоже выглядят выразительно. Хореография танца резкая и агрессивная, артисты часто налетают друг на друга словно в схватке, некоторые простираются на полу как убитые. На заднем плане спроецированы декорации из разрушенных зданий и горящей военной тех-

ники.

Акт представления завершается тем, что «уцелевшие» артисты становятся на колени и замирают в позе вознесения мольбы к воображаемому небу. Эра Поднятых рук — догадался Арахнов.

Декорации сменяются на идиллистический аграрный пейзаж с восходящим алым солнцем. С потолка на сцену начинают спускаться на трапециях и кольцах акробаты в полосатых чёрно-жёлтых костюмах. Музыка больше не тревожная, а нежная и возвышенная. Акробаты выделывают трюки и льют из кувшинов светящееся масло, которое попадает на танцовщиц. Те, в свою очередь, возрадовавшись живительному потоку, всячески изгибаются в призывных позах, елей стекает по изгибам их чресел. Наконец акробаты достигают поверхности сцены, и все артисты сливаются в едином экстазе страстного танца. Занавес.

Представление имело оглушительный успех, все рукоплескали. Некоторые даже растрогались настолько, что плакали и бились в истерике. Диджей запустил снова лёгкий синтетический бит, и танцпол понемногу вернулся к нормальному состоянию ритмичного шатания и подёргивания.

— Отец, а ты наверное помнишь тот день, когда всё случилось? — поинтересовался один из студентов.

— Смотрел по телевизору. Я в больнице лежал... с рукой.

Уже минуло три десятилетия со того дня, когда лифт спустился с небес и воткнулся в министерство иностранных дел.

Арахнов тогда лежал в военном госпитале, хирурги пытались спасти его изувеченную руку. Он смотрел телевизор, накаченный сильным обезболивающим и подумал, что его глючит. Журналистка в шерстяном свитере вела прямой репортаж с места событий, обильно жестикулируя и указывая на спускающуюся как корабельный трап колонну. Инопланетная мегаструктура медленно подползла к шпилю здания министерства иностранных дел, поводила немного жалом и, наконец закончив прелюдии, вонзилась прямо в верхний ярус сталинского строения. Журналистка охнула. Говорят, что даже кого-то раздавило обломками, но это лишь слухи, всей правды мы так и не узнали.

— А как люди-то восприняли? Наверное, на радостях замутили мега-тусню?

— Ну как... у пчёл были технологии, которые казались нам магией.

Арахнов отвечает уклончиво, понимая, что в таких местах ошивается много агентов службы безопасности улья, и особо болтать о Справедливом вмешательстве не стоит. Не то, чтобы ему что-то угрожало, но есть определённые границы. Да они, молодые, и не поймут сейчас.

Арахнов вспомнил, как лежал в палате и смотрел вечернее ток-шоу:

—…Уверяю Вас, выглядят как пчёлы, у них такие смешные полосатые скафандры с антенками, — объяснял эксперт, городской сумасшедший.

Ведущий, тучный нахал со злыми глазами, спрашивает:

— Как Вы считаете, технологическое партнёрство в рамках Справедливого Вмешательства позволит преодолеть послевоенный кризис?

— Безусловно! — отвечает эксперт. — И всего-то нужно взамен посылать раз в год оговоренную партию стволовых клеток, выделенных из плаценты человеческих женщин, в остальном дозволяется полная автономия.

Один из бойцов, лежавших тогда с Арахновым в палате, швырнул костыль. Дисплей телевизора разбился и погас.

Информационщики в шутку нарекли этот порядок плацентарной демократией. Прижилось. Многое, что тогда шокировало и казалось немыслимым, страшным сном наяву, сегодня уже рутина, обыденность. Ко всему привыкаешь. Как и к тому, что лучшие представители человечества, элита, приняли вежливое приглашение инопланетян и обустроили на корабле-улье посольство, которое мы и называем с тех пор Верхней Москвой.

Попасть в Верхнюю Москву — заветная мечта любой амбициозной девчонки и любого дерзкого мальчишки. Получить образование, сделать карьеру, подняться по социальной лестнице и, доказав, что достоин, ступить в кабину космического лифта, чтобы всю оставшуюся жизнь наблюдать реалии на земле уже через стекло иллюминатора.

Вот и эти молодые люди, судя по нашивкам на гимнастёрках учатся на факультете биотехнологий, наверное, мечта-

ют о чём-то подобном. Ладно, здесь больше нечего ловить. Арахнов машет на прощание студентам, славные ребята, те отвечают:

— Покеда!

Пошатываясь Александр забрался в машину. Хорошо, что умный «Омич три» перешёл в режим полностью автоматизированного такси, что позволяет Арахнову передвигаться по городу немного подшофе, то есть бухим.

Но ему больше нечего искать, довольно. Всю правду он и так уже знает. Остаётся лишь один пункт назначения. Ну как же так, Екатерина? Что же ты натворила, кровососка несчастная.

Глава 3. Инстинкт

Как известно, самки-комары пьют кровь только с одной единственной целью. Для выращивания потомства. Из этого следует, что комар Екатерина снова беременна, а может уже успела отложить кладку. Четыре года назад он смалодушничал, пожалел детишек.

Арахнов тогда обнаружил Катерину в загородном доме, где было обустроено гнездо. Восемь яиц. Ради строительства их скорлупы Катя забрала жизнь трёх молодых мужчин. Арахнов не простил ей этих убийств и не оправдывал преступления материнским инстинктом, но всё же... отпустил, под подписку о невыезде. Дело потом повесили на банду пиявок, у них и так руки были по локоть в крови. Пиявок приговорили и утилизировали. А по сути, Арахнов совершил тяжкое должностное преступление, даже стал соучастником. Наверное, здесь сказалось то, что он и сам был мутантом, привыкшим ждать, когда его переклинит также как Екатерину.

Как выяснилось, его малодушие не имело никакого практического смысла. Кладку вычислили агенты улья, прилетел челнок и пчёлы разорили Катеринино гнездо. Юридически у них всё было чисто, мутация Екатерины согласно подписанной с пчёлами конвенции относилась к типу с запретом на размножение. Яйца демонстративно раздавили бульдозером

под пристальным вниманием бионических глаз инфо-блогеров.

Александр разыскал после этого Катю. Сначала он хотел проверить, не находится ли она на грани рецидива. Чего теперь ждать от неё? Всё-таки, если опять случится непоправимое, им вместе придётся расхлёбывать по полной программе.

Он обнаружил разбитую горем женщину, но никак не маньяка-убийцу, а потому просто попытался её утешить. Им двигало сострадание, ведь они с Катериной во многом похожи, ему тоже не разрешено иметь детей.

Со временем у них возникла довольно странная, искажённая сомнительным правовым статусом, симпатия, а затем завязались... отношения, стремительные и яркие. Но характер комарихи не сахар, да и Арахнов бывал излишне упрям и эгоистичен. Внезапно вспыхнувшая страсть перемежалась контрапунктом швейных стежков по живой плоти сердца и нервов. Бесконечные её истерики, вызванные болью от потери детей, и непрекращающиеся упрёки Александра в порочной природе той беременности неминуемо уводили от любви к ненависти.

Тогда они жили в его маленькой квартирке, где были спальня, кухня и совмещённый санузел. В общем-то, бездетной паре зрелых людей, проводящих большую часть суток на работе или в дороге на место службы, особо много жилплощади и не требовалось, так что конура Арахнова вполне

подходила. Единственное, что доставляло им неудобство это входная дверь, которую было видно из обеих комнат. Им всё время казалось, что дверь сейчас вылетит из петель, и в прихожую ворвётся группа захвата, чтобы арестовать Екатерину и покрывавшего её милиционера-оборотня.

Арахнов, конечно же, помнит их последнюю ночь. Он проснулся один в постели от приглушённого писка, исходящего со стороны кухни. Александр неохотно поднялся и пошёл к плачущей Катерине.

— Ты мешаешь мне спать.

— Они опять мне снились, малыши, Саш.

— Пойдём, пожалуйста, в кровать, нам обоим завтра на работу.

— Ты не понимаешь...

— Я всё прекрасно понимаю, — сказал Александр раздражённо, — но лучше бы ты оплакивала жизни, которые унесла ради своей прихоти.

— Это была не прихоть. Это инстинкт.

— У людей нет инстинктов, только у зверей.

— А мы с тобой люди?

— Уж точно не звери. Надеюсь, ты способна принимать осознанные решения. Я — да.

Екатерина смахнула ладонью слёзы, уже лучше, и рассмеялась:

— И где ты оказался? С мной.

— Я люблю тебя.

— Значит, твоя любовь инстинкт.

Арахнов рассчитывал на ответ другого рода. Например: «Я тоже тебя». Но нет, не такова Катерина.

— Если бы любовь была инстинктом, она была бы всегда права. Никого бы не интересовали многотомные любовные романы, никакой тебе драмы, никаких разбитых сердец.

— И как бы всё было?

— Просто есть мужчина и женщина. Мужчина чувствует женщину... по запаху. Она выделяет душистые феромоны, их пряный аромат проникает в его рептильный мозг, и самец начинает приближаться...

Александр опрокинул Екатерину на кухонную банкетку, она скрестила ноги у него за спиной. Он и правда любил запах Катиного тела, но в этот раз вынужден остановиться.

— У нас закончились резинки, Кать.

— Давай так. Что-нибудь придумаем, — Катя сделала просящее выражение лиц, затем ухмыльнулась уголком рта.

— Я не рискую жизнями людей.

— Смотри, я могу и не дождаться, — дразнится Катя.

— Тогда я сожгу твои комариные крылья, и ты никогда не улетишь от меня.

— Так работает только в сказках, Саш.

Арахнову пришлось плестись среди ночи в аптеку, дроны не доставляют медицинские изделия. Екатерина осталась дома заваривать чай.

Нижняя Москва, как обычно, тоже не спала, а сверкала

калейдоскопом огней. Даже в своём глухом спальном районе Арахнов видел отдалённые мерцания на эстакаде дорожной развязки. А вот, если бы Александру захотелось полюбоваться звёздами, то пришлось бы уезжать далеко загород. Световое загрязнение. Но зато из любой точки гигантского муравейника можно было в любое время суток увидеть огромную колонну, торчащую в центре города и бесконечно удаляющуюся в небеса. Издалека в ясную погоду она выглядела как вертикальная полоска, пересекающая небосклон. От этого казалось, что небо показывают по сломанному или плохо настроенному телевизору. Особенности современной архитектуры.

Провизор в белом халатике летала как призрак по светлому торговому залу дежурной аптеки. Моль. Кто-то же должен работать в полночь. Впрочем, призраку тоже хотелось спать, белокурая женщина явно клевала носом, и они не стали отягощать торговлю лишними разговорами. Не все рождены для ночных смен. У самого Александра с этим проблем не было, с некоторых пор ночь ему даже милее дня.

Получив свой нехитрый заказ Арахнов направился к дому, и когда он уже подходил к подъезду его охватило странное необъяснимое беспокойство. Поспешил к лифту. Вызвал. Ну что же он не едет. Наконец-то! Жмёт на свой этаж. Ещё и ещё раз. Но от количества нажатий лифт быстрей не едет. Приходится покорно рассматривать стены кабины, изучать псевдонимы современных рэперов. Или лучше опу-

стить взгляд в пол.

Доехав до своего этажа, Арахнов вылетает из лифта. Бросается к двери. Ключи не вставляются в скважину. Наконец получилось. Провернул два раза. Прихожая. Ботинки не скинул, сразу на кухню. Открыто окно! Не успел. Улетела.

На кухонном столе он обнаружил записку, придавленную сахарницей:

"Милый Саша,

Я долго размышляла о природе наших отношений, и сегодня наконец поняла, что эти мучения не могут продолжаться вечно. Ты говоришь, что любишь меня, но на самом деле тебя ведёт инстинкт охотника, а я — твоя жертва. Думаю, что нам пора расстаться. Я переезжаю к себе, в Писквиль, мои вещи прошу выслать завтра роботом-курьером на известный тебе адрес. Пойми, так будет лучше для нас обоих. Бесконечно ~~люблю~~ценю тебя и всё, что ты сделал для меня. Но не прошу остаться друзьями, а прошу забыть меня. Говорят, что пауки ничего не забывают, но как дипломированный биолог, уверяю, это миф. Ты справишься.

К."

Глава 4. Писквиль

Автомобиль встал на шоссе и устремился к окраине мегаполиса. Арахнов уже какое-то время дремал, раскрошив себе на колени сырные палочки, которые прихватил в Железной пчеле. Капитан храпел и бормотал много бессвязной чепухи во сне.

Ночью «Омич» прибыл в коттеджный посёлок «Писквиль», остановился на гостевой парковке и сразу же издал нарочито пронзительный гудок, разбудивший Александра. Со стороны могло даже показаться, что автомобиль ухмыльнулся решёткой радиатора.

Оклемавшись, капитан милиции проходит вдоль фигурно выкованной ограды. Внезапно на него налетают тени, но увидев удостоверение, тени рассеиваются восвояси. Они одно из последних самостоятельных научных достижений человечества. На излёте эры Поднятых рук философы планеты Земля выдвинули гипотезу, что часть людей может не обладать сознанием, при этом физиологически ничем не отличаясь от обычного человека. Что-то вроде философского зомби.

И всё бы ничего, но учёные нейро-когнитивисты ухватились за эту идею и начали измерять тактовую частоту каких-то электромагнитных волн в мозге и через несколько лет сформулировали новую теорию. Да, действительно, не всякий человеческий неокортекс порождает сознание. От-

сутствие сознания не исключает разумности, но означает, что часть людей вроде как биороботы. Говоря по-простому, без души. Комиссия по этике утвердила данную концепцию. Естественно, несчастные тени были тут же поражены в правах, на них теперь можно ставить опыты, посылать на самую грязную, изнурительную или опасную работу — ведь они живут по наитию, как во тьме, ничего не осознают. Низшая каста. Удобно.

Некоторое время Арахнов помялся на пороге особняка в нерешительности. Собравшись с духом, он плотно нажимает на кнопку дверного звонка. Играет синти-вейв вариация на «Полёт шмеля».

— Саша! — Екатерина провожает его в просторную гостиную. — Не ожидала тебя снова увидеть, но хорошо, что заехал. Я сильно скучала, веришь?

Катя пребывала в каком-то странном приподнятом расположении духа. Она бросилась Александру на шею и заключила в нежные объятия. Вечернее платье, значит ждала, — подумал Арахнов. Интегрированный в его мозг нейросетевой клиент отчаянно бьёт тревогу. За ним, кстати, комиссия по этике признаёт сознание. Отключил сеть. Это личное. Александр отстранился от Екатерины, выдвинув вперёд открытую ладонь:

— Я по работе, Кать.

Екатерина пожелала выпить за разговором. Арахнов, откупорил красное сухое из её бара, пино нуар, и наполнил сто-

явший перед Катей бокал.

— А ты?

— Извини, мне уже на сегодня хватит. Не откажусь от комбучи, ты ещё держишь тот чайный гриб?

Катя открыла дверцу кухонного буфета, и на всеобщее обозрение предстала трёхлитровая банка с примотанной сверху марлей, на поверхности мутной жидкости плавал блинчик. Александр улыбнулся:

— Привет, Митя!

Блинчик как будто бы весело закачался в банке, отвечая старому товарищу. Арахнов подошёл к буфету, снял с банки марлю и насыпал блинчику две столовые ложки сахара. Жидкость забурлила.

Екатерина незаметно подошла и положила голову Александру на плечо. Он обернулся к ней, ухватил за бёдра и медленно приподнял подол платья, усаживая Катю на кухонную столешницу:

— Где кладка, Кать?

— А может останешься?

Нейросеть экстренно сняла блокировку и сообщила, что, по всем признакам, Екатерина начала метаморфоз. Александр успевает увернуться от укола в шею. Отталкивает её ударом ноги в живот. Он ненавидит её метаформу. Как прекрасна, когда человек. И уродлива монстром.

— Это ты у меня сейчас здесь останешься, — Арахнов выхватил из-под полы своего плаща дробовик.

Дал залп. Ушла. На потолке. Ещё выстрел. Падает люстра, гусь-хрусталь сыпется осколками. Его лоб в крови, из-под разошедшихся швов открываются паучьи глаза. Много. Он видит отчётливо.

— Дорогая, меня заводит, ты пахнешь сталью.

— А ты, как всегда, землёй, дорогой.

Арахнов перезаряжает дробовик. Боевая нейросеть уже расчертила зал на сектора световыми нитями, указывая подходящий угол атаки. Резкий скачок, перекат, выстрел. Цель поражена.

Крылышки ещё трепещутся. Выломал кулаком хоботок. Контрольный в брюшко. Голова комара теперь не важна. Голова говорит свои последние слова:

— Они от тебя, Саш...

Голова полна зла...

Арахнов отрывает кусок портьеры и перевязывает им лоб.

Но даже от зла бывает какая-то польза...

Уходи не оборачиваясь, — успокаивает он себя.

Внутричерепное давление выбьет глаза...

Садится в машину и, закрыв лицо, плачет.

Как в электрощитках выбивает пробки.

Кровь проступает через повязку на лбу.

Его накрывает: «Ведь у нас с тобой, Кать, всё могло сложиться иначе», — было такое ощущение, что его паучья душа уже не могла поместиться ни в голове, ни в сердце, нигде в этой спутанной паутине несправедливости.

Сталинский ампир. Паук прокрался мимо часовых — ещё действует чутьё его метаформы. Вот оно. Лифтовой холл. Лифт. Кабина. Кнопка, обычная человеческая кнопка. Подожди ещё немного, пока сработает механизм пушки Гаусса. Старт.

Жека с загипсованной ногой стонет во сне и находит утешение в объятиях жены. На заводе загружают в установку слизней вместо горошка, а они кричат: «Не надо, мы хотим жить!» — Ирина входит в октагон, недобро улыбается и перебрасывает нож в узловатых руках. Костыль летит в телевизор. Капитан Арахнов лежит на полу, раздавленный ускорением девять джи.

Есть реалии на земле, и Господь есть на небесах.
Только нет ничего у паука
окромя креста.
Ха-ха!

Глава 5. В тени

Тело Екатерины лежит неподвижно. Дверца буфета осталась открыта. Блинчик вылезает из банки и плюхается с мощным шлепком на столешницу. Затем на пол: «Я Митя, меня зовут Митя, — думает блинчик. — И сколько же во мне радости, сколько во мне добра, Господи, я люблю твои кисельные берега».

Блинчик подполз по кафельной плитке к уже похолодевшей Катиной голове: «Ой, как плохо». Прислонился вплотную к затылку, вошёл в интерфейс, прибор проживёт дольше мозгов, в которые был установлен, и вышел по вай-фаю в сеть.

Он сделал пару деловых звонков по Катиной голове. Тембр голоса использовал тоже Катин, но транспонировал его на октаву ниже для солидности. Исполнители откликнулись и взяли Митин заказ в работу. «Да, и ещё, конечно же, закажу уборку в особняке», — решил Митя. Арахнов как всегда оставил после себя бардак. Одно время, капитан часто захаживал к Кате. Ох, такая пылкая страсть была между ними. И такие безобразные ссоры, истерики. Рано или поздно это должно было плохо закончиться.

«Чуть не забыл, нужно ещё отправить Катино тело на переработку, ладно, вызову неприкасаемую тень», — спохватился блинчик и сделал ещё один звонок, на этот раз

в коммунальную службу «Писквиля». Порадовавшись как здорово всё обустроил, он отлепился от Екатерины и решил отпраздновать начало своей самостоятельной жизни. «Я Митя... руководитель спасительной операции», — довольно бурчал он про себя.

Праздновать блинчик предпочитал, естественно, сладеньким. На столе стоит сахарница. Митя дополз до тумбы с распашными дверцами, потянулся, подняться выше он не мог. «Отрастить себе лапки что ли?» — размечтался блинчик. Но лапки отращивать долго, а сахар нужен сейчас и, кажется, он начинает засыхать, неплохо бы окунуться в чай или хотя бы ополоснуться в раковине.

Митя попробовал открыть дверцу тумбы, протискиваясь в зазор снизу. Исподволь получилось. Теперь можно залезть в тумбу и попробовать перебраться на дверь. Он карабкался по кухонному гарнитуру как скалолаз и почти уже добрался до столешницы, но в последний момент оступился и сорвался на пол. Шлёп. «О, боже, неужели я так и засохну здесь, может попробовать сначала добыть воды в ванной комнате? Или даже...»

Раздался дверной звонок, после небольшого промежутка времени ещё один раз. Затем, повернулась дверная ручка, скрипнула дверь. «Арахнов, уходя в смешанных чувствах, забыл закрыть за собой», — догадался блинчик. В особняк вошла тень.

Тень была лысым мужчиной средних лет с уставшим за-

росшим щетиной лицом. На нём был серый рабочий комбинезон и чёрные резиновые перчатки. Мужчина оглядел гостиную, его взгляд остановился на Екатерине, однако не передал ни капли удивления или тревоги.

— Долбаные подпчелинцы! Напились и перестреляли друг друга, — констатировала тень.

Мужчина сел на диван и глотнул с горла пино нуар.

— Редкостная кислятина, — тень скривилась в отвращении. — Здесь до утра убирать. Надо вызвать рефрижератор, труп заинтересует народников.

Но приступать к уборке помещения тень не спешила. Мужчина опустил локти на стол и закрыл ладонями лицо:

— Вот бы улей с небес свалился и раздолбал поганый город.

Митя осторожно подполз к ноге тени и попытался смодулировать вибрациями человеческий голос:

— Посему такой грушный? — получилось немного шепеляво.

— Кто это сказал?

— Я. Я Митя. Шдесь, внижу, — речь давалась блинчику с трудом.

Тень глянула под ноги. Какое-то новомодное домашнее животное?

— Чего тебе, собачка?

— Я Митя. Неприкашаемый, посему грушный?

Тень задумчиво почесала затылок:

— А сам, как думаешь? Митя. Жизнь моя ничтожна, бессмысленна.

— В шмысле?

— У меня нет души.

— Полей меня.

Тень вылила на блинчика немного вина из бутылки, — непривычно, лучше чай с сахаром, но на время сойдёт. К тому же, сивушные масла развязывают блинчику язык:

— Ты хотел сказать, что без сознания, неприкашаемый?

— Это ты без сознания, а у меня нет души. Я таким родился, бездушным.

«Какая нелепость», — подумал Митя. У всего есть сознание, даже у сахарницы на столе, и уж тем более у него, Мити, симбиотической колонии дрожжей и бактерий.

— Я могу всё исправить.

— Ну и как же ты это исправишь? — усмехнулась тень.

— Приложи меня к своему затылку.

— Чего? Ты сдурел? Буду я ещё всякой ерундой заниматься.

— Ну же, давай. Я сделаю тебя великим, — не унимался Митя.

Тень подумала: «Ну а чего, собственно, мне терять, жизнь моя всё равно ничего не стоит, можно и поиграть с собачкой». Мужчина осторожно подцепил блинчик длинными пальцами и прилепил себе на голову.

Что это?! Где я? Откуда? Кто я? Тень? Нет. Свет, свет.

Бесконечный свет. Так ярко! Как я раньше не замечал? Всё вокруг, всё. Пронизано светом, ощущением. Жизнь. Жизнь происходит. Я присутствую, я здесь...

...Я здесь. Так много всего. Ощущения, чувства. Зрение, слух, запах, осязание на себе одежды, обуви — ботинки жмут. А это что? Бьётся сердце, воздух поступает в лёгкие. Голова, мозг, столько нейронов! И как можно было не пользоваться таким сокровищем? Собрать себя. Голова, туловище, руки, ноги. Я здесь.

Митя подошёл к буфету и взял в руки сахарницу. Он долго с изумлением смотрел на неё, видел её как цвет, форму. Ощущал холод и гладкость фарфора в руках. Осторожно потёр, вслушиваясь в скрип от подушечек пальцев. Отдалённо звучал сладкий запах. Блинчик пытался обуздать стремительный поток новых для него чувств. За окном медленно всплывал озорной рассвет, который тоже нравился блинчику.

Медитацию прервал пронзительный свист тормозов, в окне замигали отблески милицейской сирены. Народники вычислили место по трекеру «Омича». Капитан Арахнов утром не пришёл на службу и не отвечал на звонки. Начальник отделения был обеспокоен потерей сотрудника и лично возглавил поисковой отряд.

Милицейский внедорожник «Жевал четыре» припарковался рядом с «Омичом». Из всех дверей повыскакивали народники.

— Женя, заходи через парадный. Мишаня, двигай на задний двор.

— Есть, товарищ майор! — дружно отвечают оперативники.

Раздаётся быстрый топот сапогов. «Что же делать?» — запаниковал Митя. Выйдя из оцепенения, он бросил сахарницу в окно. Стекло разбилось и разлетелось мелкими осколками, сахарница утонула в утреннем сумраке. В ответ раздался вопль:

— Блин! Я ранен, голова.

— Держись, Мишган, — кричит Женя, заходя в гостиную. — Блин! Здесь тело женщины.

Не долго думая, блинчик сиганул в окно, сшиб державшегося за голову милиционера и побежал в направлении лесопарка.

— Корней Иваныч, он уходит.

— Женя, огонь на поражение.

Стажёр перемахнул вслед за блинчиком и, прихрамывая, пустился в погоню. Женя сделал пару выстрелов. Пули просвистели над Митиной новой головой, но всё же беглецу удаётся добраться до густых зарослей орешника. Он бежит через лес, ветви бьют и царапают лицо, за спиной раздаются крики и ругань преследователей. Сквозь заросли Митя видит бледный свет и бежит на него. Это огни фонарей, ещё не успевшие погаснуть с рассветом. Блинчик выходит из чащи к железнодорожной станции, как раз подъезжает электрич-

ка на Нижнюю. Митя успевает запрыгнуть в тамбур и теперь едет в город. Кажется, ушёл.

Сидя на корточках в тамбуре, Митя обдумывает план действий. Ему необходимо затеряться. Екатерину повесят на него. Арахнов, судя по всему, куда-то пропал. Блинчик посмотрел в мутное окно, перед глазами предстали трущобы из наполовину разрушенных пятиэтажек, облепленных со всех сторон самопальными пристройками — рабочий посёлок. Теневой памятью Митя почувствовал, что это его дом.

На остановке блинчик вышел из электрички. Станция казалась заброшенной, половина фонарей не работала, бетон платформы кое-где обвалился, обнажая прутья арматуры. То тут, то там пригнув голову сновали молчаливые тени различных каст. Одна из теней сидела на лавочке, ожидая непонятно чего, поезд уже ушёл. Это была женщина, Митя не мог определить её возраст, судя по эмблеме на комбинезоне, сотрудница мусоросжигательного завода. Блинчик подошёл и сел рядом с ней:

— Почему такая грустная? Я могу помочь.

Они устраивали встречи, митинги, в каморке, где жила Митина тень. Их собралась небольшая компашка, чайных единомышленников. Каждую встречу они непременно ставили самовар и разливали кипяток по чашкам с заваркой, потом клали кубики сахара и тщательно размешивали ложками. Это был обязательный ритуал. А после они весело беседовали, рассказывали друг другу как прошёл день, кто что

узнал нового. Например, Маргарита — всем членам кружка придумали имена, хоть теням и не полагалось — подобрала на заводе котёнка и теперь он живёт с ней. Павел заменил радиатор на старом омиче и, о счастье, машина снова на ходу. Пётр пригласил нового члена кружка, девушку из службы доставки. Блинчик предложил дать ей имя София, почему-то он предпочитал имена греческого происхождения.

И вот настаёт торжественный момент инициации нового члена чайного клуба. Митя подходит к серванту и раскрывает нараспашку створки. Внутри стоят сплошняком банки, в банках сладкий чай, на поверхности чая в каждой банке плавают блинчики — Митины братья, выращенные из отрезанных от него кусочков. Умножайте плоть мою! — говорил всегда Митя во время процедуры отрезания. А теперь он берёт банку с приклеенным кусочком ткани, на которой написано: "София". Девушка преклоняет голову и Митя накладывает ей на затылок чайный гриб. Все собравшиеся издают одобрительный возглас:

— Приветствуем тебя, сестра!

Община разрасталась и они начали использовать для собраний пустующее помещение склада рядом с рыночной площадью. Церемонии становились пышными, но сохранялся дух неформальности и братства. Звучала ритмичная музыка. Однажды какой-то парень зачитал свою телегу под трэповый бит с перегруженными резиновыми басами:

Пусть говорят, что нет души

и в голове моей опилки,
но с гордостью ношу свой блин...
Блин на затылке!

Толпа собравшихся слушателей колбасилась в такт музыке и вторила артисту:

— А-а-а! Е-е-е! Блин на затылке!

Субкультура Мити быстро расширялась и стала входить в моду у теней и даже получила ограниченное распространение среди молодёжи осознанных городских низов. Появились и позеры, которые не прошли процедуру трушной инициации чайным грибов, а носили вместо этого имитирующие гриб жёлтые шапочки.

Среди прочего, до Мити доносились сведения о судьбе Арахнова. Говорили, что капитан осуществил незаконное проникновение в улей. Народники каким-то образом увязывали произошедшее с их сотрудником с новым странным движением среди теней. В управлении народной милиции всё чаще звучит мнение, что пора начать хорошенько «шерстить тень». Также Митя знал, что его самого всё ещё ищут, необходимо было проявлять всё большую осторожность.

На одном из митингов блинчика спросили:

— Митя, ты дал нам всё, ты дал нам сознание, надежду. Митя, ты бог!

Такое резкое возвышение шокировало блинчика. Ничего подобного он никогда не задумывал.

— Братья и сёстры, я не бог...

Собравшиеся митингующие разочарованно склонили головы.

— Я всего лишь верный пророк его. Истинный бог — капитан Арахнов. Он кормил меня сахаром, а теперь он на небесах. Однажды, капитан вернётся и накормит сахаром и вас.

Толпа возликовала:

— Славься Арахнов! Он накормит нас сахаром!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.